

подтверждают наличие этой тенденции. Однако тенденция остается осуществленной не до конца, и главы эти, как правило, распадаются на параграфы, посвященные или отдельным странам (для нашего читателя особый интерес представляют параграфы, касающиеся русско-византийских отношений в XI—XII и в XIII—XV вв.), или отдельным сторонам религиозных и культурных взаимосвязей (монашество, культ святых князей, каноническое и светское право, литература, изобразительное искусство). Во всех этих главах много интересных частных наблюдений, но, как ни странно, в книге нет специальной главы о структуре и природе «Византийского содружества», нет, собственно говоря, целостной характеристики этого существенного понятия, введенного автором.

Но прежде чем коснуться понятия «Византийское содружество», мне хотелось бы обратить внимание на то, что Оболенский предлагает чересчур ограниченное толкование его географических рамок. В самом деле, содружество не ограничивалось только Балканами, северным побережьем Дуная и Северным Причерноморьем, но включало в себя Италию, Кавказ и Приевфратье, не говоря уже о тех этнических группах, которые размещались на собственно византийской территории. Пренебрежение западными и восточными границами Византии дает себя знать уже в главе «Географическая обстановка», где нет не только Италии, но и Малой Азии, т. е. основного ядра империи. Расширение рамок имело бы двойного рода последствия: во-первых, еще отчетливее можно было бы видеть, что состав содружества не носил исключительно греко-славянского характера; во-вторых, в рамках содружества могли найти место не только «православные» страны, но и те, где вероисповедание носило иные оттенки (монофиситы или сторонники западной церкви). Тем самым развиваемый Оболенским тезис о православии как идеологическом стержне содружества оказывается небесспорным.

На чем же в таком случае зиждилась византийская *foederatio*? Не следует ли предположить, что в ее основе лежало противоречивое стремление средневекового общества к натуральному самоограничению и к универсализму, к «вселенности»? Средневековые государства при всей их тенденции к экономической, политической и культурной автаркии (и, может быть, в возмещение этой тенденции) не переставали ощущать себя звеньями в системе универсальной империи. Эта идейно-политическая действительность средневековья, даже оформляемая в терминах зависимости, не имела ничего общего с реальной зависимостью. Иерархия «Византийского содружества» была скорее фактором самосознания, нежели политического подчинения, фактором объединения, а не унижения. Такая иерархия прослеживается и на Кавказе, и в Италии.

Кроме того, следует учитывать размытость средневековых границ, наличие широкой приграничной полосы, «ничьих земель», возможность фактического служения двум государствам, что еще более осложняло картину средневекового содружества стран.

Носителем принципа универсализма была в раннесредневековой Западной Европе церковь (папство), в Византии же — императорская власть. Собранный Оболенским материал показывает, как к XIV в. положение здесь меняется и патриаршество в большей мере, нежели василевс, становится проводником универсалистской идеи и оплотом содружества. Может быть, это обстоятельство следовало бы подчеркнуть в книге с большей определенностью.

А. К.

A. Guillou, *Studies on Byzantine Italy*.
London, 1970

Книга представляет собой сборник статей известного французского византиста А. Гийу.

До сих пор византийская история остается, как правило, историей Константинополя и константинопольского двора. Отсутствие источников делает почти невозможным изучение византийской провинции. Многолетние исследования Гийу в Италии, позволившие ему опубликовать ряд новых памятников¹, пробивают брешь в традиционном подходе и освещают жизнь одной из удаленных от центра областей. При этом следует отметить одно обстоятельство: история византийской Италии, когда она затрагивалась предшественниками Гийу, изучалась в следующих аспектах: внешняя политика, административная история, монашество и изобразительное искусство. Значение трудов Гийу состоит в том, что он стремится восстановить социально-культурный облик византийской Италии, что он изучает общественные отношения в византийской провинции.

Публикуемые статьи распределяются на две неравные группы. Две работы посвящены ранневизантийскому периоду: «Экзархат и Пентаполь, психологический очерк

¹ См. аннотации: ВВ, XXVIII, 1968, стр. 291—292; ВР, 32, 1971, стр. 257.

византийской Италии» (№ 2) и «Демография и культура в Равенском экзархате» (№ 3). Основная масса статей касается Южной Италии в IX—XI вв. Среди них большая группа носит источниковедческий характер: «Греческие документальные источники для Италии византийского и норманского периодов» (№ 4), «Греческие архивы монастыря св. Марии делла Матина» (№ 5), «Архивы монастыря св. Марии ди Бордонаро» (№ 6), «Две грамоты катепанов из Трикарико» (№ 7: совместно с В. Хольцманом) и, наконец, «Памятник, касающийся провинциального управления. Метрическая надпись из Бари исторического содержания (1011 г.)» (№ 8). Специальное внимание уделено исторической географии и этнографии Южной Италии: «К вопросу о греческом населении Сицилии и Калабрии в средние века» (№ 9), «Византийская Лукания. Историко-географический очерк» (№ 10), «Округ Лао в XI в. К вопросу о византийской микрогеографии» (№ 11). Уже в этих статьях поставлен ряд проблем социальной истории — более широко они трактуются в других исследованиях, а именно: «Заметки об общественном устройстве в Итальянском катепанате XI в.» (№ 13), «Византийская Италия, *douleia* и *oikeiosis*» (№ 1) и «Греки в Южной Италии и Сицилии в средние века. Монашество» (№ 12)². Наконец, последняя статья озаглавлена: «Агония греческой провинции. Южная Италия в XI в.» (№ 14).

Статьи, написанные преимущественно по-итальянски и по-французски, но также по-немецки (№ 7) и по-английски (№ 3), в своем большинстве уже были опубликованы и воспроизводятся в сборнике методом репринта с сохранением пагинации подлинника. Только одна работа (№ 8) публикуется впервые: Гийу переиздает надпись из Бари, которую первый издатель (Ф. Бабудри) датировал IX в. и отнес к царствованию Василия I. Гийу предлагает теперь остроумную реституцию надписи, которая оказывается стихотворной, и показывает, что Василий бариийской надписи — не Василий I, а Василий Месардонит, византийский наместник Италии начала XI в. На основании хроники Лула Протоспафария Гийу отождествляет Василия Месардонита с Василием Аргиром и считает его братом будущего императора Романа III. Он восстанавливает — впрочем, не без гипотетических натяжек — жизненный путь Василия Месардонита-Аргира, а самое его прозвище, Месардонит, считает персидским (!) вариантом патронима Аргир.

Книга снабжена иллюстрациями и картой Южной Италии, воспроизведенной вместе со статьей № 10 из журнала «Бизантион»; — к сожалению, технически несовершенной. Разной шрифтов также придает сборнику несколько неряшливый облик. Небольшой список errata позволяет исправить кое-какие погрешности в старых публикациях, а общий индекс облегчает пользование книгой.

А. К.

D. Jacoby. La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie». Sources, application et diffusion.

«Documents et recherches sur des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au Moyen âge», sous la direction de P. Lemerle, X. Paris, La Haye, 1971, p. 358.

Так называемые «Ассизы Романии», сборник норм феодального права, отредактированный в Море между 1333 и 1346 гг. (см. стр. 87), был опубликован Ж. Рекура в 1930 г. Д. Якоби, как можно понять из рецензируемой книги, подготавливает в настоящее время новое издание Ассиз, поскольку, как он пишет (стр. 15), Рекура допустил ряд погрешностей при чтении рукописей, а также поскольку теперь доступны две рукописи — Филадельфийская (XVI в.) и Вашингтонская (второй половины XV в.), не привлеченные первым издателем. Рецензируемая работа и представляет собой своего рода введение к будущему изданию.

Центральная часть книги — обзор рукописей и установление рукописной традиции (стр. 115—174), которая сводится в стемму, отличную от предложенной Рекура. При этом Якоби полагает, что сохранившиеся рукописи дают возможность судить не о французском оригинале 1333—1346 гг., но лишь о венецианском переводе, который возник, во всяком случае, до 1416 г., а скорее всего еще во второй половине XIV в. (стр. 170—173). Древнейшая рукопись, хранящаяся ныне в Британском музее, была переписана в Венеции в 1423 г. (стр. 116—123), однако другие манускрипты, особенно Венецианский 1443 г. (стр. 123—126) и Венецианский 1440 г. (переписанный на острове Корфу), дают самостоятельные версии.

Якоби освещает также процесс формирования Ассиз. В этой связи для нашего читателя особенно интересна глава о тех элементах, которые оказали влияние на становление морейского права. Это прежде всего западноевропейское феодальное право,

² Ср. еще его работу «Il monachesimo greco in Italia Meridionale e in Sicilia nel Medioevo». — «Atti della Seconda Settimana internazionale di studio Mendola». Milano, 1965, p. 355—384.